

Цзян Ехун с трудом сглотнул — в горле нестерпимо першило, а во всем теле разливалась странная тяжесть. Жун Жо лежал рядом неподвижно, его дыхание было почти неощутимым.

Когда Ехун попытался осторожно высвободить руку, Жун Жо вдруг коснулся его предплечья. От неожиданности он вздрогнул.

— Я разбудил тебя?

— Нет, я еще не спал... Мне очень холодно. Брат Чу, можно мне... придвинуться поближе? Здесь так морозно... Если ты не против...

— Мне тоже не по себе, — Ехун с чистой совестью вернул руку на прежнее место и крепче прижал юношу к себе. — Да и одеяло слишком узкое.

Он убеждал себя, что это лишь способ согреться. Ночной ливень и пронизывающий ветер вымотали его, и вскоре он забылся тревожным сном. Наутро во рту пересохло, в голове гудело, а лоб пылал — ночная прогулка под дождем не прошла даром, обернувшись сильной простудой.

Жун Жо не на шутку встревожился:

— Брат Чу, ты совсем занемог. Пойду найду старосту, спрошу, есть ли в деревне лекарь.

Ехун перехватил его за запястье:

— Не ходи один. Эта деревня слишком странная. Жар — не беда, переживу. Не волнуйся.

— Может, тогда вернемся в город? — Жун Жо смотрел на него с неприкрытым беспокойством.

Ехун покраснелся от лихорадки, но голос оставался твердым:

— Сейчас пойду к старосте. Будем вести себя как обычно, никакой паники.

— Хорошо.

Дождь лил всю ночь, и земля превратилась в липкое месиво. Впрочем, сквозь плотные облака уже пробивались первые лучи солнца — скоро должно было распогодиться.

Ехун отправился прощаться.

— Староста, мы и так засиделись у вас, пора и честь знать, — он протянул серебро. — Возьмите, это за еду и кров.

— Ох, господин Чу, что вы! — замахал руками Ло Чуньчжи, наотрез отказываясь от денег. — В моем убогом жилище и еда простая, как я могу взять плату? Совесть замучит.

Ехуну пришлось уступить.

— В таком случае благодарю за гостеприимство. В Люшаньмэне накопилось много дел, так что мы откланиваемся.

— Что ж, не смею задерживать. Хоть небо и прояснилось, дороги развезло. Будьте осторожны в пути.

— Не беспокойтесь.

Ехун вывел лошадь, но та почему-то нервничала: била копытами, разбрызгивая грязь. Когда они уже выезжали со двора, Жун Жо оглянулся на деревенские дома.

— Брат Чу, посмотри... Почему на крышах некоторых домов вывесили знамена, призывающие души? Не похоже, чтобы здесь справляли поминки.

Ехун приглушенно закашлялся.

— И впрямь нелепица. Откуда их столько взялось за одну ночь?

Они почти покинули деревню, как вдруг из переулка выскочила растрепанная девушка. Она бросилась к ним, вцепившись в рукав Ехуна:

— Спасите! Пожалуйста, спасите меня! Я не хочу умирать! Не хочу быть жертвой!

На вид ей было лет шестнадцать-семнадцать, но она выглядела изможденной и серой от ужаса. Следом за ней бежали несколько дюжих молодчиков, но, завидев Ехуна и Жун Жо, они не решились нападать в открытую.

Девушка дрожала мелкой дрожью. Ехун, напустив на себя суровый вид, спросил:

— Что здесь происходит?

Крепкие мужики переглянулись и промолчали. В этот момент запыхавшийся староста подбежал к ним и указал на девушку:

— Это же А-Хуа! Господин Чу, вы уж не обессудьте — бедняжка с детства умом тронулась. Вечно несет околесицу: то ей феи мерещатся, то призраки. Ну, что на этот раз тебе привиделось?

А-Хуа зашлась в рыданиях:

— Я не больна! Вы все монстры! Вы хотите убить меня! Вы и есть призраки!

Она начала неистово жестикулировать, ее губы посинели, глаза едва не выкатывались из орбит, а черты лица исказились в судороге. В следующее мгновение она одеревенела, рухнула на землю и забилась в конвульсиях, пуская пену. Мужчины бросились ей на помощь. Ехун в замешательстве замер.

Староста сокрушенно вздохнул:

— Горемычная... Мать рано померла, отец — калека. Господин Чу, не держите на нее зла, она ведь человек несчастный.

Ехун кивнул и тронул коня. Уже за пределами деревни Жун Жо снова оглянулся на развевающиеся на ветру знамена.

— Брат Чу, я посчитал: на восточной и западной сторонах по четыре белых знамени, на северной и южной — тоже по четыре, только желтых. И на том доме, откуда выбежала девушка, тоже было белое. Для простых похорон их слишком много.

Ехуна мучило. Планировка деревни напоминала восьмиугольник Багуа, а в самом центре стояли огромные солнечные часы. Для чего все это? Мысли путались.

— Нужно вернуться и выяснить, что это за место.

— Брат Чу, — тихо произнес Жун Жо, — мне кажется, медлить нельзя. Девушка в опасности.

— Согласен. Эта ее «жертва»... не та ли бронзовая тренога, которую ты видел? Неужели они собираются принести людей в жертву? А знамена в домах означают тех, кого выбрали? Безумие какое-то.

— Если так, то жертв будет шестнадцать, — голос Жун Жо дрогнул. — Это не обряд, это бойня. Человеческие жертвоприношения — признак зловещего культа. Мы должны их остановить.

Ехун вскочил в седло:

— Скорее, в Люшаньмэнь! Староста обмолвился, что обряд близок — день-два, не больше. Нужно успеть разобраться, что за чертовщина там творится.

Он помог Жун Жо сесть позади. Юноша инстинктивно обхватил его за талию.

— Брат Чу, ты помнишь тот момент, когда староста подбежал и указал на А-Хуа?

— Помню, а что?

— А-Хуа упала не из-за болезни. Когда староста поднял руку, из его рукава вылетела тонкая игла. Она попала в девушку, и ту тут же парализовало. Выглядело как припадок, но это была ловушка старосты.

Ехун опешил. Голова была тяжелой от жара, и он сосредоточился на мужиках, упустив из виду старика. Проглядеть удар в упор... Какое позорище! Он ведь в прошлой жизни считался первым мастером Поднебесной, а теперь позволил какому-то сельскому деду провести себя. Позор!

— Как ты это заметил?

— Увидел, что у него в рукаве что-то блеснуло...

Ехун пришпорил коня:

— Глаз у тебя верный. Получше, чем у меня, — он поморщился. — Видно, лихорадка совсем мозги расплавил.

В Люшаньмэне их встретил Чжао Чэнь с похоронным лицом:

— Ох, глава Чу, наконец-то вы здесь! У нас опять труп. Все в точности как с Ли Фугуем и Лу Чаном.

Ехун едва на ногах стоял, а тут новое дело.

— Кто на этот раз?

Чжао Чэнь покосился на Жун Жо и затараторил:

— Мастер воздушных змеев Лю Юань. Прошлой ночью его нашли мертвым в собственном доме. И вот еще что... Пока вас не было, госпожа Лу — вдова Лу Чана — забрала из ямэня ту картину с небожительницей. Сказала, что Лю Юань очень хотел на нее взглянуть, а они с покойным

мужем были дружны. Ну, она и отдала.

Ехун вспыхнул:

— Картина была уликой! Как вы могли ее отдать?

Чжао Чэнь виновато развел руками:

— Глава, так ведь это вещь Лу Чана. Как я мог отказать его вдове?

Ехун прижал ладонь к горящему лбу. Сил злиться не было.

— Где картина сейчас?

Чжао Чэнь странно посмотрел на него:

— Когда мы прибыли на место, она висела в спальне Лю Юаня, прямо над кроватью. Глава... может, эта картина проклята?

Ехун замахнулся, чтобы отвесить ему подзатыльник:

— Какое еще проклятие? Мы с тобой на нее смотрели — и что, померли?

Чжао Чэнь попятился:

— Глава, береженого бог бережет...

— Проваливай! Найди мне все записи о деревне Девяти Семей. Живо!

— Но зачем вам сейчас эта деревня?

— Сказал — делай! Меньше слов!

— Ладно-ладно, уже бегу.

Ехун жестом подозвал Жун Жо и приобнял его за плечо:

— А ты чего застыл? Ты мне не слуга, нечего в сторонке стоять. Пошли, глянем на Лю Юаня.

Вид покойника был ужасен: черты лица искажены смертной мукой, в глазах застыл запредельный ужас. Ехуна, и без того страдавшего от жара, едва не вывернуло. За что же человека так люто извели?

Жун Жо раздвинул волосы на голове трупа:

— Сомнений нет. Это снова «Дневная грёза». В черепе дыра от личинки.

Ехуна пошатнуло.

— Говоришь, этот гу родом из Мяоцзяна? Обычному человеку такое не достать. Велю проверить всех торговцев редкостями... Жуткое зрелище, ты разве не боишься?

Жун Жо грустно улыбнулся:

— Моя матушка была коронером. В детстве я часто слушал ее рассказы. А когда жил в «веселых кварталах», иногда читал книги по медицине и вскрытию.

Ехун попытался выпрямиться, но перед глазами все поплыло.

— Брат Чу! — Жун Жо подхватил его, не дав упасть. — Ты весь горишь! Нужно немедленно к лекарю. Нельзя так себя изводить, иначе у тебя просто не хватит сил раскрыть это дело.

Ехун понимал, что он прав.

— Пожалуй... Только вернулся — и сразу покойник. Ладно, идем к лекарю.

Старый лекарь долго ворчал, выписывая рецепты. Ехун шел как в тумане, опираясь на плечо Жун Жо. Ему стало смешно: надо же, еще не старик, а какая-то простуда свалила с ног.

Дома он рухнул на кровать и мгновенно провалился в сон. Ему снилось его детство в бедной деревне. Нас было четверо, но в голодный год трое умерли. Потом пришла чума. Маленький Ехун лежал в жару, такой же беспомощный, как сейчас, и думал, что конец близок. И тогда, сквозь марево беспамьяства, он впервые услышал тихий перезвон серебряных колокольчиков.